ИЛЬГАР МАМЕДОВ

ДОЛГИЙ ПУТЬ К ЯНВАРСКОЙ РЕКЕ

Ильгар Мамедов

Долгий путь к январской реке (из дневников разных лет)

«Спорт»

ББК 47.20

Мамедов И.

Долгий путь к январской реке (из дневников разных лет) /
И. Мамедов — «Спорт»,

ISBN 978-5-9500180-9-1

В своей книге двукратный олимпийский чемпион по фехтованию, ныне главный тренер сборной команды России, отлично выступившей на Олимпийских играх 2016 года в Рио-де-Жанейро, рассказывает о своем спортивном пути, о тех, с кем добывал олимпийское золото, о своих учениках, о тех, кто сегодня защищает спортивную честь российского фехтования.

ББК 47.20

ISBN 978-5-9500180-9-1

© Мамедов И.
© Спорт

Содержание

Верный курс капитана Мамедова 6
En garde! 10
Про второе рождение 10
Про детские годы 13
Про знакомство с фехтованием 17
Про первый сбор в Измаиле 18
Про своё семнадцатилетие 20
Про Ибрагимова и Романькова 22
Про закулисные игры 23
Про богатыря Апциаури 25
Про первое чемпионство 26
Про первый обман Назлымова 27
Про Ждановича в роли старшего тренера 28
Про стычку с Романьковым 29
Про Бориса Корецкого 31
Про первые уроки Мидлера 33
Про придуманное Мидлером «наказание» 35
Про размышления о будущем 36
Про горе-тренера Быкова 37
Про очередной ход Назлымова 39
Про пресловутый видеомагнитофон 41
Про предолимпийские перипетии 43
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Ильгар Мамедов
Долгий путь к январской реке
(из дневников разных лет)

Книга издана при содействии АО «ЦентрИнформ»

Издательство «Спорт» – член Международной ассоциации спортивных издателей

Предисловие, вопросы анкеты и литературная запись *Льва РОССОШИКА*
Художник *Александр Литвиненко*

Верный курс капитана Мамедова

Времени на размышление не было. Разве что несколько секунд. Впрочем, выбирать не приходилось: предлагали возглавить всю сборную! И кто? САМ!

Но за эти мгновения столько всего прокрутилось в голове. В том числе и та дурацкая шутка-напоминание, которую он еще перед Играми в Лондоне выдал своему старому приятелю и товарищу по победной олимпийской сборной 1996-го Владиславу Павловичу, который возглавлял тогда команду: «Палыч, у меня за всю спортивную карьеру не было ни одной правительственной награды. Поэтому после Лондона не забудь меня на орден представить. За мою тайную дипломатическую работу». При этом Ильгар прекрасно понимал, что даже при успешном выступлении фехтовальщиков в британской столице, никто бы никогда не выдвинул его ни на какой знак отличия. А тут у него появлялся шанс в случае успеха команды на самом деле получить государственную награду.

Но это всё ерунда – не в медалях и орденах дело. Просто ситуация в отечественном фехтовании складывалась всё хуже и хуже: в Атланте-1996, где наши олимпийцы впервые выступали под российским триколором, было аж четыре высших награды, через четыре года в Сиднее – уже три, в Афинах-2004 и Пекине-2008 – по одной, в Лондоне-2012 остались без золота вообще… Дальше отступать было некуда.

«Фехтовальщик – и в этом суть нашего вида спорта, – признавался мне Ильгар Мамедов, – должен молниеносно принимать решение». И на сей раз времени на раздумья не было совсем. Когда его пригласили на разговор, да ещё в таком составе – кроме Алишера Бурхановича Усманова был только президент Федерации фехтования России Александр Юрьевич Михайлов, Ильгар уже мог предположить, о чём пойдёт речь.

Он дал положительный ответ. Другого и быть не могло, ведь он всю свою сознательную жизнь шёл к этому. Только не подумайте, что он из карьеристов, в чём его однажды несправедливо обвинили. Просто за почти четыре десятка лет в большом фехтовании ему пришлось преодолеть огромное число препятствий, на себе испытать все неприемлемые им с детства самые отрицательные человеческие качества – несправедливость, зависть, лицемерие, предательство, подлость, наконец. Пришлось менять мнение о людях – в ком-то разочаровываться, к кому-то, напротив, проникнуться уважением. А верить всё равно только самому себе.

Но, преодолев все трудности и пройдя испытание временем, он стал сильнее и мудрее, научился не обращать внимание на до сих пор непрекращающиеся нападки, хотя за последние годы уже всем всё доказал. Не враз, а постепенно, путём проб и ошибок выстроил целую систему подготовки, которая на удивление главного тренера сразу же начала давать результаты. И оказавшийся было на мели российский фехтовальный корабль во главе с капитаном Мамедовым, с 2013-го постепенно начал выравнивать свой курс, и на всех парусах вошёл в гавань бразильского Рио-де-Жанейро в конце июля 2016-го, а покинул её в середине августа с победными флагами расцвечивания…

Давно собирался написать об этом симпатичном и близком мне по духу и взглядам человеке. В чём не раз мог убедиться даже в те короткие встречи и минутные время от времени общения. Но больше узнал Илъгара за десять часов полёта из Москвы в Нью-Йорк, когда совершенно случайно наши места в лайнере оказались локоть к локтю. Плюс дело в том, что остался единственным среди коллег-журналистов свидетелем двух его олимпийских побед в Сеуле и Атланте и писал о них в различных СМИ и в разные годы.

А тут и повод вроде бы выдался – полвека вот-вот должно было исполниться Ильгару. И рубрика своя, подходящая, была у меня на интернет-портале, где в тот момент работал. Но редактор посчитал почему-то, что фехтовальщик Мамедов – не та фигура, которая

заслуживала очерка. То ли вид спорта был не по душе, то ли фамилия. При этом довод моего горе-руководителя был один: мол, у нас двукратных олимпиоников пруд пруди, найди какую-нибудь более достойную кандидатуру.

Ну а после всего, что сотворил Мамедов со товарищи дои в ходе бразильской Олимпиады, уже не очерк надо было писать о нём, а книгу. Только хотелось сделать это сразу, по горячим следам. Увы, не получилось. Не оказалось на тот момент необходимых средств.

Только через год нашлись недостающие составляющие. А тут как раз и ещё один повод появился: 15 ноября 2017 года в Кремле президент России вручал государственные награды самым достойным, по словам Владимира Путина, людям страны. Но в своей вступительной речи он упомянул персонально только одного – Ильгара Мамедова, которому в этот день исполнилось 52 года. И в завершающем церемонию выступлении Владимир Владимирович вновь упомянул Ильгара, точнее его слова после получения ордена Почёта, что победа – дело огромного коллектива людей.

А Мамедов в благодарственном ответе сказал: "Владимир Владимирович, Вы знаете, победа – это не личное, а комплексное достижение. В ней участвуют спортсмен, тренер, врач, массажист, мастер по оружию и многие-многие другие. Это и удача, везение. Всё это должно сложиться, чтобы выиграть, чтобы победить. Я благодарен нашему коллективу. Спортсмены, кто был на Олимпиаде, кто внёс достойный вклад в копилку сборной России для победы, сегодня в зале. И тренеры здесь. И это победа всего большого коллектива. И эта высокая награда из Ваших рук… Конечно, для меня сегодня двойной праздник. Спасибо за поздравление в день моего рождения. О таком дне можно было только мечтать. Огромное спасибо!"

Что ж, мечта сбылась.

Попытался было вспомнить, когда мы познакомились. Но потом бросил это бесполезное занятие: какая разница, когда это произошло. Важнее, что мы сразу нашли общий язык и говорим на нём вот уже тридцать с лишним лет.

В сентябре 1988-го фехтовальщики летели в Сеул (и я с ними в качестве переводчика) из Хабаровска, где завершали подготовку к главному старту четырёхлетия, даже не помышляя о высшей награде в отличие от саблистов, на которых была основная ставка. Считалось, что среди пятерых рапиристов составить конкуренцию сильным соперникам из Италии, Венгрии и Германии мог только опытнейший 35-летний Александр Романьков, пятикратный чемпион мира в личных соревнованиях, не говоря уже о командных золотых и олимпийских наградах другого достоинства.

В своём повествовании автор описывает, происходившее на главной дорожке и вокруг нее. Я же в качестве превью к решающим событиям передавал тогда из Сеула:

«Всё говорило против них: и прошлогодняя неудача на мировом первенстве, когда советские рапиристы оказались лишь на четвёртом месте, а в зачёте Кубка мира 1988 года значились лишь шестыми. Не говоря уже о личных показателях тех, с кем нашим ребятам предстояло соперничать в финальной встрече: квартет рапиристов ФРГ занимал в личной табели о рангах ФИЕ – Международной федерации фехтования места со второго по пятое. Ну, а у наших… Да что там говорить, если фамилий некоторых ребят не было даже в списках шестидесяти лучших».

Но на то она и Олимпиада, чтобы забылись все прежние достижения и когда-то завоёванные титулы. Перед тобой одна единственная цель, далёкая ещё вчера, но такая близкая сегодня, и неудержимая вера в возможность её достижения. Плюс ко всему много сил и нервов было отдано в полуфинальном матче с венграми. И здесь с самой лучшей стороны (когда не заладилось у лидера команды Романькова) проявил себя включённый в сборную в последний момент опытный боец Владимир Апциаури. Советская четвёрка уступала в полуфинале 6:8. Это значило, что мы не имели права проигрывать два оставшихся боя. И первый из них рапирист из Тбилиси провёл с таким напором и уверенностью, что сопернику крыть было нечем

– 5:0. Следом отличился до этого несколько скованный дебютант, самый молодой в команде Анвар Ибрагимов. Он дал свою победу – последнюю и архиважную. И по уколам сборная СССР вышла в финал.

Перед вечерним решающим матчем немцы почти не сомневались в своей победе. Ну а нашим нечего было терять – они и без того поднялись выше задуманного.

После первого круга – 3:1 в нашу пользу. Следующие четыре поединка – и всё пришлось начинать с нуля.

И вновь неудержим Апциаури, и вновь поначалу неудачно фехтовал Романьков. Но в кульминационный момент встречи именно он, капитан сборной, смог пересилить себя и судьбу, выиграл бой и придал силы товарищам по команде. И перед первым из оставшихся четырёх выходов на дорожку счёт был уже 8:5. Мамедову нужно было добыть победу – в своём бою и матче. И 22-летний парнишка не подвёл.

Как и восемь лет спустя, в американской Атланте, где впервые российская команда выступала под бело-сине-красным триколором.

Мне довелось освещать 13 Олимпийских игр и самая неудачная из них была как раз в столице американского штата Джорджия. Каждый день нас поджидали сюрпризы. Приятные – отличное выступление фехтовальщиков, и не очень: самые показательные – транспортный коллапс и чудачества информационной системы. Но чтобы перевирать результаты – с этим столкнулся впервые.

Залез в компьютер, чтобы посмотреть, чем завершились полуфинальные бои команд рапиристов – был в это время на каких-то других соревнованиях, возможно, на штанге или волейболе, сейчас уж и не вспомню. И огорчился не на шутку: информсистема выдала, что встреча Россия – Куба завершилась победой последней с разницей всего в укол – 45:44.

Посокрушался, попереживал за ребят, которых хорошо знал, и за их тренера Марка Мидлера, с которым на тот момент был знаком ровно тридцать лет. Согласитесь, обидно уступать одно-единственное касание. Но кубинцы на тот момент именно в рапире были корифеями – крушили всех и вся, а двое так и вообще лидировали в уже упомянутом мною рейтинге ФИЕ. Ясное дело, как можно было не поверить ЭВМ, тем более что всё сходилось: за год до Игр на чемпионате мира кубинцы стали чемпионами, обыграв россиян в финальном поединке.

Отправил в редакцию материал, кажется, о волейболе, и преспокойно возвращался в пресс-центр – благо тот находился неподалёку. И был встречен странным вопросом: «Ты почему здесь? Вот-вот рапирный финал начнётся. А без тебя золота нам не видать». (Это коллеги напоминали, что я стал этаким талисманом российских фехтовальщиков – когда присутствовал на соревнованиях, они всегда выигрывали или брали медали). Тут же выяснилось, что компьютер (в очередной раз!) всё перепутал, и рапиристы не проиграли укол кубинцам, а выиграли его. И теперь нашим предстояло биться в решающей встрече с поляками. Ничего не оставалось, как поспешить в зал.

Там узнал интересную деталь: президентом жюри на наш матч с поляками назначили венгра. Наверное, специально, ведь кое-кому в том составе Международной федерации победы россиян – да ещё в таком количестве – были словно кость в горле. До этого парни Мидлера в четвертьфинале переиграли именно сильных венгров, оставив их вообще без медалей.

Финал с Польшей. Вот что рассказал Ильгар: «Начали нормально. Вначале Дима Шевченко, потом я, потом Вячеслав Павлович. Когда я закончил свой второй бой, мы вели 20:15.

Что случилось потом, вы не поверите, мне сразу показалось, что мы находимся за четыре года до этого в Барселоне: за два боя поляки умудрились нанести 15 уколов, а получили всего 8! И перед последним кругом они уже были впереди – 30:28.

Я подобного допустить не мог и набросился на Ярослава Родзевича с таким настроем, что буквально разорвал его – 7:3. И мы вновь повели – 35:33. Вышел Павлович – 5:2. Комфорт. 40:35. «+5» для Шевченко.

Марк Петрович спросил меня в этот момент: «Не испугается?» «Нет, что вы, – я был уверен в Диме. – Не беспокойтесь!»

По бою получилось 5:5-45:40 общий счёт. Но Шевченко контролировал ситуацию.

И вот – победа! То, что не получилось сделать в 1992 году, сделали в 1996-м. И те же самые поляки, которые нам испортили всю «малину» за четыре года до этого, были повержены – мы вернули должок за Барселону».

Так у нашего героя появилось второе олимпийское золото.

В момент работы над рукописью Ильгар пригласил меня на традиционные посиделки бывших бакинцев, причём, только тех, кто занимался фехтованием. А теперь эти уже солидные мужи – бизнесмены в разных областях экономики, полковник МВД, врач, депутат, живущие в Москве и окрестностях, организовали своеобразное землячество. Наивный, захватил с собой диктофон в надежде поговорить с ними об Ильгаре и его семье. В итоге получился бакинский базар, каждый жаждал вставить своё слово, перебивая друг друга рассказывали о замечательной семье Мамедовых, о гостеприимной тёте Эльмире – маме Ильгара и его братьях. Так что ничего нового я не узнал. Но нисколько не расстроился, познакомившись с замечательными друзьями главного тренера, которые были в Рио и – в этом ничуть не сомневаюсь – своей энергией и поддержкой помогли другу и его команде добиться столь уверенной победы.

Когда начинал писать эту книгу, родилась идея дополнить её знакомством с лауреатами Игр, пушкинскими «богатырями», которые должны были расцветить своего «дядьку Черномора». Но писать очерк о каждом – получился бы неподъёмный фолиант.

Тогда-то и вспомнил про так называемую «Анкету Марселя Пруста», салонную игру, появившуюся в викторианскую эпоху (вторая половина XIX века): предлагался некий стандартный список вопросов, на который надо было в специальный альбом написать ответы, причём, непременно правду.

Разумеется, многие из прежних вопросов устарели, пришлось осовременить и увеличить их перечень. Практически все чемпионы и призёры Рио (в том числе и чемпионы мира-2016) прислали свои ответы. «Это даже не анкета, а некий психологический тест получился», – не то посокрушалась, не то порадовалась в разговоре со мной замечательная Софья Великая. Зато читатель узнает много чего интересного про победителей Олимпиады в Рио. Ведь, согласитесь, про фехтование и фехтовальщиков пишут не так много, как про представителей других видов спорта. Хотя они это заслужили!

В своё время на вопросы «Анкеты Пруста» отвечали наши знаменитые современники французский актёр Жерар Филип, выдающийся режиссёр Андрей Тарковский, известный американский писатель Джон Апдайк. А почти полвека назад вышел специальный альбом под названием «Сто французских писателей отвечают на «Анкету Пруста».

В качестве дополнения к портрету Ильгара Мамедова вы прочитаете ответы на анкету чемпионов и призёров Рио по фехтованию. Получилось занятно. Впрочем, вы сами в этом убедитесь.

En garde!
(«К бою!»)

Про второе рождение

Это случилось 2 июня 1983 года. Мы готовились в Стайках к Спартакиаде народов СССР, а жили в гостинице «Юбилейной» в Минске. В свои 17 лет я уже вполне мог фехтовать по взрослым. И не потому, что был сыном Яшара Мамедова – всем хорошо известного в Азербайджане фехтовального мэтра, а просто по силам мог соперничать уже с рапиристами гораздо старше себя.

И вот просыпаюсь утром и чувствую, что в груди какой-то ледяной ком, камень какой-то внутри. Никогда прежде ничего подобного не испытывал. И необычное ощущение, что мне ни в коем случае не надо ехать на тренировку. Ну не хочу я в этот день тренироваться. Не хочу – и всё. Какое-то странное чувство. Признался об этом своему тренеру Балаяну. «Давайте лучше урок мне дадите», – упрашивал я Гарика Арменаковича. А он в ответ, что там, в Стайках, мол, готовятся ленинградцы, белорусы, латыши, хорошая боевая практика – то, что, по его мнению, мне сейчас нужно.

И, несмотря на мои возражения, Балаян настоял, чтобы я поехал. Но ведь интуиция подсказывала мне, ни в коем случае не делать этого.

Кстати об интуиции. Вычитал где-то, что в аналитической психологии Карла Густава Юнга это чувство рассматривается как одно из четырёх основных психологических функций, определяющая отношение человека к самому себе и окружающему миру, способ принятия им жизненно важных решений. «…Вещи имеют свое прошлое и будущее, – писал известный швейцарский психиатр. – Они откуда-то появляются, куда-то текут, и трудно уверенно сказать, откуда они возникли и куда скроются; и все же при этом у человека есть… предчувствие. Предчувствие в таком деле часто стоит жизни». Тут как будто написано про всё, что случилось тогда со мной.

Приезжаем в Стайки. И я перед самым боем надеваю пластиковый бандаж, чего никогда – ни до, ни после всего случившегося – не делал. Что меня подвигло на этот шаг, даже сказать затрудняюсь.

Выхожу на дорожку против белоруса из Гродно по фамилии Анатолий Бобёр. Левша, мощный такой и фехтовал больше не кистью, а плечевым поясом, как мясник, поэтому, в отличие от меня и многих других, когда у него клинок ломался, он этого не ощущал и продолжал движение.

И вдруг в обоюдной атаке почувствовал жжение в бедре. Даже не помню, как оказался на полу. И услышал крик: «Проткнули!» Я вокруг ничего не видел. Но позже мне рассказывали, что мой соперник стоял сам не свой, испуганный, и в руке у него обрубок клинка.

А мы фехтовали в белых костюмах – соревновательная практика, как никак. Я вообще надел его впервые – фирменный Ullmann, который перед этим на чемпионате в Будапеште обменял у одного из венгерских фехтовальщиков на десяток старых, уже использованных клинков.

Так вот он проткнул штаны от этого костюма. Ко мне подбежала дежурившая в зале медсестра, перетянула бедро жгутом выше раны, как принято в таких случаях. И вроде бы кровь должна остановиться, если бы рана была небольшой, а лужа крови подо мной становится все больше и больше. Она мне чуть отодвинула ногу – а там вторая дырка, прямо под паховой областью. Вижу испуг на лице медсестры, у неё руки начинают трястись. Она собиралась приспособить второй жгут – не получилось.

В тот момент я не понял, а позже дошло, что меня спас тот самый бандаж, в который упёрся сломанный клинок. Если бы его не было – пел бы потом всю жизнь как Демис Руссос.

Скорая помощь приехала только через полчаса – Стайки всё-таки, не самый ближний свет. Так хирург в больнице после того, как сделали всё, что необходимо, признался мне: «Парень, да ты в рубашке родился: клинок прошёл в двух миллиметрах от главной артерии и в трёх миллиметрах от нервного узла».

Вообще обрубок прошёл как-то странно, по касательной, потому что не были задеты ни кость, ни артерия, ни паховая часть. Короче, повезло.

Но каково было предчувствие! Юнг-то прав оказался. Но прочитал я об этом позже. Ведь всё говорило, что ни в коем случае не надо было ехать в Стайки. Надо было всё-таки настоять на своём.

Кстати, я был не первый, кого «пронзил» этот «мясник» – от него пострадали четыре известных рапириста. Слава богу без серьёзных последствий.

Хирург сделал всё, что необходимо. И я лежал в послеоперационной палате. А в больничном коридоре разворачивалась настоящая битва: мой папа с кулаками набросился на врача, который не пускал его ко мне в палату, когда ему сообщили, что меня проткнули. Папа уже похоронил меня. Он был в таком состоянии, что, человек мужественный, не мог выговорить номер комнаты в гостинице, когда ему сообщили, что со мной произошло… Когда его пристыдили:

– Что же вы так, доктор спас вашего сына, а вы…

Только после этих слов он пришел в себя и смог позвонить маме и сообщил ей о случившемся. Целый год после этого я боялся выйти на дорожку. Какой-то мерзкий холодок в груди не отпускал меня.

В Москву на Спартакиаду я приехал не участником, а зрителем – на костылях, потом какое-то время ходил с палочкой. Урок получил хороший.

И я ещё долго после этого боялся делать атаки на подготовку. Инстинкт самосохранения срабатывал. Я только вперёд – стоп, блокировка. А не пользоваться атаками на подготовку – всё равно что позволять сопернику ходить на тебя, как на буфет: он в курсе, ты его не встретишь, не станешь контратаковать. То есть твой визави в подобной ситуации чувствовал себя вольготно.

И в соревновательном плане весь сезон я завалил, результатов высоких не показывал. Только на турнире соцстран в Братиславе смог пробиться в восьмёрку.

Про детские годы

Баку, где я родился, город интернациональный. Но в момент моего реального появления на свет – 15 ноября 1965 года, наша семья жила в еврейском районе, хотя это не было поселение людей именно этой национальности. Просто так называлось место. Кто-то когда-то так назвал эту часть азербайджанской столицы. Дом, в котором мы жили – одноэтажное сооружение по улице Видади, 109 (даже адрес помню, хотя полвека прошло). Его и домом в прямом смысле этого слова назвать нельзя – так, три квартиры на земле с маленьким двориком. Иногда, редко правда, заглядываю в этот уголок старого Баку. В последний раз это было несколько лет назад, когда режиссёр-документалист Рауф Мамедов снимал фильм обо мне. Было это ещё до Олимпийских игр в Рио-де-Жанейро.

Заглянули мы тогда во двор со старыми приятелями. И моментально нахлынули воспоминания детства…

Лет до семи мои родители, бабушка и мы – трое братьев – Азиз, он на два года старше меня, и Эльхан, который был на четыре года младше, жили в этой с позволения сказать квартире из трёх проходных комнат. А потом переехали в настоящую четырёхкомнатную кооперативную квартиру в новой девятиэтажке на улице Дружбы молодёжи неподалёку от станции метро «Гянджлик», рядом со стадионом имени Ленина. Тогда мне казалось, что даже для нашей большой семьи эта квартира была просто огромной – отдельные комнаты для нас, для мамы с папой, для бабушки, и просторная, разделённая на две части гостиная, в одной – огромный чёрный рояль, который и сейчас там стоит, а в другой – диван, стол, телевизор. А ещё два приличных по размерам балкона.

Кстати, в школу – 23-ю, которая до сих пор считается достаточно престижной с углублённым изучением английского языка, которое начиналось со второго класса, я пошёл, когда мы ещё жили в старой постройке. Достаточно сказать, что эту самую школу заканчивала, скажем, первая леди сегодняшнего Азербайджана Мехрибан Алиева, она поступила годом раньше меня. И проучился я там, в этой школе, до середины шестого класса.

А потом уже начал ездить на соревнования, и родители решили перевести меня поближе к дому, чтобы я не прогуливал занятия. Но это не помогло: я всё равно игнорировал учёбу. Причём, делал это очень хитро: меня привозили прямо к школе, я заходил внутрь, пережидал какое-то время, а потом шёл куда-нибудь. Или, как мы тогда говорили, на шатал. Что означало прогуливать школу.

Откуда взялось это выражение, даже и не знаю. Вообще в Баку мы использовали свой непохожий ни на какой другой лексикон – какие-то выражения или отдельные слова, которые больше ни в одном городе той, огромной нашей страны, не слышал. Например, спортивные штаны назывались «финки». Почему? Никогда не смогу объяснить значение этого слова. Самое интересное, что бакинцы даже сегодня меня поймут, если я скажу, что вышел на улицу в «финках». Или никогда не говорили, что стекло разбивали, при этом почему-то используют до сих пор глагол сломать. Именно по этим и другим подобным отдельным словам или словосочетаниям можно вычислить, что имеешь дело с уроженцем Баку.

Так что родители совершили серьёзную ошибку, отправив меня в другое учебное заведение. В 23-й школе мне нравились отдельные предметы, некоторые преподаватели, ради которых я бы ещё ходил на уроки. А новую школу под любым предлогом пытался избегать. К тому же, когда попал в сборную республики, там уже освобождали от занятий официально – шла подготовка к Спартакиаде школьников СССР. Мы уже считались элитой, нас переводили из класса в класс почти автоматически.

Но я забежал немного вперёд. Потому что в первых классах о занятиях спортом речь не шла. Меня увлекла музыка. Или скорее стремление не отставать от Азиза: старший брат учился

играть на фортепьяно. И я, как попугай, часто в его отсутствие прикладывался к инструменту, тому самому роялю, который стоял ещё в той малюсенькой квартирке на улице Видади. Ну и мама с бабушкой почему-то решили, что у меня для музыки даже больше способностей, чем у Азиза. В моих бренчаниях они, судя по всему, усмотрели зачатки юного Моцарта, и я тут же был определен в музыкальную школу.

В Баку в те времена все учились музыке. Плюс ко всему я брал частные уроки у жившего через двор от нашего нового дома преподавателя – Соломона Давидовича, обитавшего в хибаре, почему-то называвшейся финским домиком. Может быть, потому, что там постоянно было очень холодно. Подобные дополнительные занятия были непременным условием воспитания будущего Моцарта.

Пианино, помню, стояло прямо на земляном, покрытом линолеумом полу. Запомнил я это прекрасно, потому что даже сейчас, когда вспоминаю о тех уроках музыки, чувствую озноб, постоянное ощущение холода, веявшего от пола. Как же у меня стыли ноги! Я не мог даже попасть по педалям фортепиано. Как Соломон Давидович затащил этот чертов инструмент в свою крохотную комнату, никто не знал. Мама очень уважительно, понизив голос, говорила, что это фортепиано учитель музыки привёз аж из побежденного Берлина.

В общей сложности лет шесть посвятил музыке. Однако просиживать часами за роялем я был не готов. А потому и в этой школе стал ходить на шатал.

И полностью провалился на очередном концерте, которые раз в полгода устраивали для родителей, – это был своеобразный экзамен, как бы отчёт о проделанной работе.

Мама с бабушкой, очень красивые, в праздничных нарядах, пришли на концерт. И отца с собой зазвали. А когда я с треском провалился, они с немым укором посмотрели на моих педагогов. Те развели руками:

– А что вы хотели, он давно уже не ходит на занятия.

– Как не ходит? Мы же исправно подвозим его к школе…

Они даже представить не могли, регулярно провожая меня до дверей музыкалки, что я проделывал то же самое, что и в обычной школе: смотрел в окно, чтобы родители исчезли из поля зрения, – и прямиком на бульвар или в парк Кирова, где всегда было чем себя занять: есть вкусное мороженое или горячие кутабы. Тем более, что никогда не был один – всегда находились такие же любители шатала.

А ещё мы обожали фильмы про индейцев с Гойко Митичем – «След Сокола», «Чинга-чгук – Большой змей», «Апачи» и прочие. Нравились нам и красочные индийские ленты – «Зов крови», «Зита и Гита», «Слоны – мои друзья»… Сегодня, с высоты своих лет, мне всё это кажется немного смешным. А в мальчишеском возрасте это было приятным времяпрепровождением, во многом познавательным.

Мои фортепьянные эксперименты после этого закончились. Собственно, до этого папа не вмешивался в мои занятия музыкой. Но после того концерта взял за руку – и отвел в секцию бокса в большом здании бакинского «Динамо».

Ничего не происходит в нашем мире просто так, случайно. То, что мама заставляла меня заниматься музыкой, неожиданно помогло мне в спорте. Когда я перешел в фехтование, то Марк Петрович Мидлер, наш великий тренер, сразу дал определение моему стилю ведения боя – музыкальный. Это когда у тебя абсолютный слух, ты способен ритмически разложить бой и успеваешь нанести укол в долях секунды чуть раньше, чем твой противник.

Между прочим, Азиз «завязал» с музыкой ещё раньше меня. Но его папа отвел в другую динамовскую секцию – в дзюдо. Правда, на одной из тренировок он неудачно приземлился на спину после подсечки, и врачи порекомендовали ему сменить вид спорта. Так старший из нас первым стал фехтовальщиком. Причём, папа решил, чтобы Азиз занялся шпагой. Кстати, и младший брат у нас тоже музицировал, сам научился, без специального образования. Эльхана

отец сразу определил в фехтование. Но чтобы мы никогда не пересекались, младшему досталась сабля. Но это было гораздо позже. Я же стал боксёром.

Можете себе представить, что было дома, когда узнали про поступок отца. Мама даже схватилась за голову:

– Что?! Мальчика в мордобой? Да у него такие тоненькие ручки…

Руки у меня действительно были тонкие. Я и сейчас не ширококостный. Но папа отрезал:

– В боксе руки окрепнут. Там быстро становятся мужчинами.

Почему не в фехтование, тем более, что к моим 11 годам папа уже несколько лет был старшим тренером республиканской команды по фехтованию? Наверное припомнил, что когда-то давно также начинал свой спортивный путь именно с бокса. Но «мордобой», по образному маминому выражению, мне нравился. И даже после полутора лет занятий в боксёрском зале, перейдя в фехтование, в рапиру, я продолжал после своих новых тренировок время от времени заглядывать к боксёрам. Надевал маленькие перчатки, которые назывались почему-то «блинчиками», а кто-то стоял на «лапах». Потом устраивали спарринги между собой, лупасили друг друга. Интерес был у нас к этому детскому «мордобою». И, как оказалось, мне это однажды пригодилось. Причём, эпизод случился не где-то на улице, а непосредственно в «Динамо».

Мы играли в баскетбол на динамовской площадке. И тут появились какие-то ребята, борцы, кажется, или дзюдоисты. И один из них нагло приказал: «Эй вы, фехтовальщики, валите отсюда! Мы теперь будем играть». Я спокойно объяснил, что через несколько минут мы закончим. И в ответ услышал брань в свой адрес и в адрес всей нашей команды. Ну и что я должен был делать? Вступать в перепалку, отправлять, как и он нас, по известному адресу?

Пришлось легким боксёрским приёмом урезонить нахала. Тот не успокаивался, продолжал двигаться на меня. Ну а фехтовальщику негоже попадаться на подсечку или ещё какой-то приём, важно было сохранять дистанцию и продолжать начатое, раз противник лез на рожон.

Вообще в детском возрасте в подобных потасовках больше жестокости, особенно, если в рукопашной сойдутся девочки. Короче, уступать я не мог, тем более, что был постарше остальных «соратников по оружию». Важно было отстоять честь и собственную правоту. И проявить себя, ведь я был уже мастером спорта и призёром Кубка страны.

Удар справа, хук слева – и соперник уже опустился на колено. Понятно, его забрали друзья. Мы продолжили тренировку.

А в общей душевой после занятий он вновь подошёл и намекнул, что разговор не закончен. Договорились пообщаться позже. А поскольку я уже был призёром всесоюзных соревнований, то мне разрешалось переодеваться не в раздевалке вместе со всеми, а в тренерской. И тут прибежал какой-то мальчик и сказал, что подслушал разговор борцов, которые собрались бить фехтовальщиков.

Пришлось на всякий случай «вооружиться»: у нас для этого во все времена были, есть и всегда будут сломанные клинки. Вполне солидные, сантиметров по пятьдесят. Прикручиваешь к ним ручку – и получаешь вполне серьёзный оборонительный «инструмент». Ну, я на всякий случай засунул в сумку этот предмет. Выхожу на улицу – он ждёт. «Пойдём?» – «Пойдём!» И направляется в сторону бульвара. А мальчонка тот меня предупредил, что ждать меня будут именно там. И я сказал, что мне надо в противоположном направлении – к станции метро:

– Ты хочешь поговорить? Вот по дороге и пообщаемся. Тому ничего не оставалось, как последовать за мной. Оказался нормальный парень. Правда, на словах отношения выяснили. Но он признался, что после первого моего удара уже ничего не видел и не понимал, где находился и что происходило. Потом пожали друг другу руки и разошлись.

А потом я увидел его года через три в зале, когда была встреча с олимпийскими чемпионами Сеула, и я рассказывал про нашу победу на Играх-1988.

К чему я так подробно рассказал про этот эпизод? Просто я решил, что боксёрские упражнения очень полезны и для фехтовальщиков. Особенно, если речь заходила о тактической подготовке. И сегодня я беру перчатки и даю возможность ребятам работать с «грушей».

Про знакомство с фехтованием

Но я забежал далеко вперёд. Потому что мои первые уроки фехтования прошли вовсе не в «Динамо», а совсем в другом месте. Наша улица – Дружба молодёжи упиралась в стадион имени Ленина. Под трибунами этого стадиона работала фехтовальная Кировская детско-юношеская спортшкола. И самую первую тренировку я запомнил навсегда. Дело в том, что у нас с братом был один и тот же размер. И когда я впопыхах, как всегда, собирался на тренировку, перепутал кроссовки. Хватился только тогда, когда папа привёз меня на стадион и познакомил с тренером. И в раздевалке я пришёл в ужас, поняв, что у меня две кроссовки на правую ногу. Что было делать? Кое-как натянул одну из правых на левую ногу и так провёл своё первое занятие.

Правда, в этой секции я надолго не задержался: тренер оказался чрезмерно строгим. Если он давал индивидуальный урок, а ты ошибался в каком-то движении, он бил тебя по бедру рапирой с захлёстом. И на бедре оставался рубец. Практически все его ученики ходили с такими рубцами: чтобы выдерживать дистанцию, чтобы правильные рефлексы вырабатывались. Но этот тренер, его уже нет в живых, поэтому и не называю его фамилию, часто уезжал на соревнования. И завещал на время его отсутствия тренироваться в «Буревестнике», который находился в центре города. Кстати, в то время только в Баку было очень много фехтовальных секций. Многие из них «квартировали» неподалеку друг от друга. И когда на первой же тренировке в «Буревестнике» я встретил своего одноклассника из 23-й школы Игоря Олейникова, я оттуда уже не уходил. Так до августа 1979-го – почти два года – мы занимались вместе.

Но я ещё только-только начинал более-менее серьёзно относиться к фехтованию. И в школу ходил с сумкой, в которой вместо учебников уже лежали кеды, спортивные трусы, майка и перчатка. Меня привлекал азарт борьбы, само участие в соперничестве, возможность перехитрить соперника и продержаться на дорожке как можно дольше. А что ещё нужно было мальчишкам? Выяснить между собой, кто сильнее. Приходишь на тренировку, ещё даже не переодевшись, занимаешь очередь для спарринга – ив раздевалку. Само собой, тренеры давали уроки – без этого в фехтовании не бывает. Но я рвался на дорожку с непременным желанием победить во что бы то ни стало.

В «Буревестнике» я задержался на два года во многом из-за своего одноклассника и двух тренеров – Александра Фёдоровича Страшкина и Лейлы Арифовны Зейналовой, благодаря которым во многом и влюбился в фехтование окончательно. А с августа 1979 года началась настоящая работа – тренажёры, кроссы, растяжки: я вообще деревянный был, как Буратино. Всё это было уже в «Динамо» с Балояном. Понимал, что и мне, и моим тренерам будет со мной непросто – к 14 годам уже не было той эластичности, которая присуща юным созданиям.

Про первый сбор в Измаиле

На Всесоюзной Спартакиаде школьников 1981 года в Каунасе я уступил Анвару Ибрагимову за «вход в четыре», а наша команда оказалась второй – для Азербайджана очень высокое место, уступив очень сильной команде Казахстана. Мы проиграли – 4:5.

Так вот, тогда меня заметил Олег Леонидович Глазов, который был старшим тренером молодёжной сборной СССР, и пригласил в Измаил, что в Одесской области, на сбор национальной юношеской команды.

Хотел бы в этой связи сказать несколько слов про Глазова. Внешне строгий, он никогда не позволял себе несправедливости. Это был человек интеллигентный, с хорошим чувством юмора. Позже, когда уже не было Советского Союза, он стал старшим тренером по виду, позже работал главным тренером сборной России, возглавлял тренерский совет. А когда меня назначили главным тренером в 2013 году, обратился к нему с просьбой остаться на этом посту. Жаль, что получилось не очень долго. В день, когда мы вернулись из Будапешта, где после 11 лет смогли завоевать Кубок наций за общекомандную победу, Глазова не стало… Рано ушёл.

А в Измаил из Одессы добирались на «кукурузнике» минут сорок. Там и познакомился практически со всеми, кто был потом во взрослой сборной страны.

Привёз тогда с собой две рубашки. Зачем? До сих пор понять не могу – зачем на сборе вообще нужны рубашки. Причём, одна ярко-ярко салатовая, другая – ярко-ярко оранжевая. Наверное, мне – 15-летнему пацану, да ещё впервые участвующему в таком форуме, хотелось как-то выделиться, привлечь к себе внимание. Поэтому подобное излишество было простительно.

Но обе рубашки были мятые. Мне же надо было их погладить. Надо попросить кого-то из девчонок? Но я вообще никого не знал.

Услышал разговор двух подруг с фехтовальными чехлами, одна другую, как мне показалось, называла Лилей. Проследил, куда они пошли. Со всей мальчишеской прямотой, не раздумывая, постучался в дверь. Открыли, и я с ходу: «А Лилю можно?» Они в смех: оказалось, что это не Лиля, в Виля – так подружки Ольгу Величко называли. Вышла малюсенькая пигалица, а я опять с ходу: «Можно я принесу рубашку погладить?» Мне почему-то казалось, что все девочки должны уметь гладить рубашки.

Тут я уже совсем обнаглел – и принёс не одну, а обе своих рубашки. И она их погладила, уж и не помню как. Так и познакомились. А потом постоянно играли втроём в карты, в «подкидного дурака» – Ира Караева, Оля Величко и я. Кто проигрывал, тому били картами по ушам. Меня не жалели – и уши у меня были фиолетового цвета. Но и я в долгу не оставался – и у них уши были как у Маленького Мука.

Вообще, атмосфера на тех сборах была удивительной. И первая же тренировка по общефизической подготовке, которую проводил Владимир Жилкин, оказалась такой серьёзной, что все мышцы болели, и мы по лестнице поднимались и спускались спиной вперёд. С оружием мы тоже занимались. И меня прикрепили к Евгению Пикману, который в то время работал с молодёжью, но давным-давно живёт и трудится в Австрии. Как-то спросил, не помнит ли он парня, которому давал уроки на сборах в Измаиле? Оказалось, что нет…

Мы жили в комнате вчетвером, и был там здоровый амбал – двухметровый шпажист из Москвы Саша Шишкин. Ну и мне не понравилось, что эти ребята, разговаривая между собой, то и дело использовали ненормативную лексику, постоянно вспоминая близких родственников, чего у нас, на Кавказе, тогда было не принято. Ну, я раз попросил при мне не выражаться, потом второй. Понимал, что ребята пользуются таким лексиконом без какого-то умысла, а нехорошие слова срывались с уст автоматом. Но когда в третий раз услышал нехорошее выражение, влепил здоровенному парню оплеуху. Тот не ожидал такого исхода и стал извиняться.

Позже, когда сам стал жить в России, до меня дошло, что это всё были атавизмы и рудименты того житья-бытья в Закавказье и той среды, в какой я был воспитан.

И ещё один случай тогда меня потряс.

Вошёл к нам в комнату какой-то парень с ножницами в руках. И то ли продемонстрировать своё умение, то ли ещё по какой-то причине кинул их, и те воткнулись в какой-то картонный или из ДСП шкаф. Они так и торчали, никто их не собирался вынимать. А тут зашёл к нам один из тренеров – Александр Сергеевич Кислюнин. Это сегодня он личность известная, привёл две женские шпажные команды к олимпийскому золоту, а в те годы просто тренер, кажется, ещё никого не подготовивший. Сейчас он работает в коллективе, можно сказать, под моим началом. А тогда я был обычным пацаном, только-только начинавшим спортивную карьеру. Вот как жизнь изменилась…

Так вот, заходит Кислюнин и, не разобравшись, кто из четверых воткнул эти ножницы, сразу начал на меня наезжать. Почему он определил, что именно я виновник поступка? А я с детства терпеть не мог несправедливость. Понятно, что я возмутился. Но тот уже не мог остановиться. Мне тогда было 15, а Кислюнину – 40. Получается, что я сейчас старше того Кислюнина. Но никогда – ни раньше, ни сейчас, ни, надеюсь, позже – не стану никого огульно обвинять, не разобравшись в ситуации.

Вот таким был мой первый сбор в юношеской сборной СССР. Вообще, если ты приезжал на сбор не со своим персональным тренером, то тебя к кому-нибудь прикрепляли. И я сменил огромное количество специалистов за все молодые годы, пока не попал в основной состав взрослой команды.

Про своё семнадцатилетие

Для меня же, можно сказать, именно с Измаила начался новый уровень жизни – не республиканского, не ведомственного, а уже союзного значения. И после подобных сборов возвращение в Баку было иным. Ты и сам чувствовал, что стал фехтовать иначе, и как я в своё время смотрел на Корецкого, так занимавшиеся со мной ребята теперь смотрели на меня. Нет, большие результаты пришли позже, но сам уровень владения оружием после всех этих многочисленных спарринговых и индивидуальных уроков, преподанных различными специалистами, становился выше. Что-то ты воспринимал и брал на вооружение, что-то отметал – не всё мне подходило по манере фехтования. Но я рос – ив прямом смысле, и в мастерстве. И каждый, кто варился в этой всесоюзной каше, давали колоссальный импульс для тех, кто ещё не дотягивал до подобных сборов.

К сожалению, ничего подобного сейчас нет. В России четыре региона развивают рапирное фехтование, три – сабельное и шесть – шпажное. Это Уфа, Казань, Москва и область, Санкт-Петербург, Новосибирск и еще несколько городов. Каждый из них поставляет в сборную по одному-два спортсмена. В отсутствие массовости Россия берет талантами: заметили, пригласили и начали обкатывать. С прошлого сезона наши юниоры тренируются со взрослыми, и так будет минимум до 2020 года.

Мне еще не было 17 лет, когда удалось победить всех на первенстве ЦС «Динамо» в Минске, причём, для спортсменов не старше 1963 года. Я же был на два года моложе. Правда, в этих соревнованиях не участвовал ряд сильнейших динамовских рапиристов, проходивших по возрасту, – Ильдар Шаймарданов, Рашид Хабибулов и Владимир Авдонин. И в Стайках мы остались на сбор перед первенством Союза в этой возрастной группе.

И вдруг меня начал прессинговать, даже можно сказать терроризировать, Рафаель Дубов, тренер Шаймарданова. И подметив что-то кажущееся ему неправильным, моментально строчил докладную Александру Дзевялтовскому, который отвечал за динамовское фехтование.

И тут отправились на какой-то турнир в Минск, и прямо в пути пришло сообщение о смерти Леонида Брежнева. Понятно, что все соревнования были отменены, по стране объявлен всеобщий траур. А у меня как раз день рождения в самый день похорон. 17 лет, дата всё-таки. Но Дубов приказал отменить все торжества по этому поводу.

Ладно я: нельзя, так нельзя. Но на сборе в Стайках было много сверстников, которые ждали моего праздника. До Ильича Брежнева им всем было как до лампочки другого Ильича, что постарше.

И нам удалось организовать настоящее, правда, не шумное веселье. В соседнем корпусе, соединенном с основным галереей, чтобы не светиться перед дежурными через основные входы. А ещё открыли заранее окна, чтобы никого не потревожить.

Догадывался, что мой домогатель просто так от меня не отстанет, нашёл какой-то эластичный бинт и замотал ногу, на случай, если он начнёт поднимать меня поутру, когда мы только-только вернулись в номера.

Всё так и произошло. Прибежал Дубов: «Ты почему не на зарядке?» Я поднимаю забинтованную ногу: «У меня травма голеностопа». Крыть было нечем, и он приказал после подъёма написать объяснительную на имя Дзевялтовского. Благо всё обошлось, и я отправился на первенство страны, где пробился в финальную восьмёрку. Причём, решающие бои проходили на следующий день. И ты целый день ходил с этим ощущением гордости за содеянное.

Понятно, что в первой же встрече в четвертьфинале я в пух и прах проиграл киевлянину Олегу Брусиловскому, которому, как позже выяснилось, исправили дату рождения на год. А что такое, когда тебе нет и 20 лет, двухлетняя разница в возрасте? Тут даже не физиология, а в большей степени антропометрия имеет решающее значение. Кто-то выше ростом, кто-то резче,

кто-то просто раньше созрел, а кому-то, как в нашем случае, просто по метрикам уменьшили возраст на допустимый. И я просто-напросто не успевал за действиями тогдашнего киевлянина, который уже давно живёт в Нью-Йорке.

Зато мы выиграли командный турнир, и я впервые стал чемпионом СССР среди юниоров в возрасте, когда фехтовали ребята на два года старше. Правда, меня выпускали на дорожку только в первых боях с каким-нибудь армянским «Ашхатанком» и «Зенитом».

В те годы у нас в один сезон проходило два первенства – одно в ноябре, а следующее – в феврале или марте. Правда, там разыгрывалось только личное первенство. И я опять попадаю в восьмёрку. Первый круг прохожу, в полуфинале – новая встреча с Брусиловским, вновь уступил без шансов, но зато за бронзу победил Авдонина, одного из молодых лидеров динамовского фехтования, причём, достаточно уверенно.

Казалось, не было никаких препятствий, чтобы мне оказаться в сборной, пусть пока не на первенстве мира, а на традиционном турнире фехтовальщиков социалистических стран. Но меня не взяли, предпочли Сергея Баранова из Алма-Аты, которого близко не было ни на одном турнире. При этом мне никто ничего не объяснил. Мне же – 17-летнему – невдомёк, что вокруг велись какие-то закулисные игры. Папа же – опытный «боец», в курсе всех этих дел был. И прилетел в Подольск на сбор перед юниорским первенством мира в Будапеште 1983 года.

Ругань тогда между тренерами стояла страшная: двое проходили безоговорочно – Петя Мардухаев, кстати, тоже бакинец, который выиграл одно соревнование и был вторым на другом. Хотя там вмешивались разные потусторонние мотивы – национальность и родной брат, живший в Нью-Йорке. И Авдонин. А за третью позицию и был спор – кого везти в Будапешт: меня или Шаймарданова. По очкам проходил я. В итоге и поехал. Но не имея никакого международного опыта, вылетел в третьей ступени. Двое других финишировали в восьмёрке, но без медалей. Зато опыт от участия в этом турнире я получил просто бесценный: я посмотрел, как фехтует Стефано Черионi, как владеет оружием Лука Виталеста, который и стал чемпионом. Первый раз увидел венгра Золта Эршека с прямой рукой: как он насаживал соперников на свой клинок, словно мясо на шампур.

И уже на следующем соревновании в Казани я опередил даже тех, кто был старше, использовав приглянувшиеся мне у соперников приёмы. Но всё это я еще перед турниром опробовал на тренировках в Баку, где легко побеждал опять-таки более старших рапиристов. Уже тогда понял, что если ты в свои 17 лет умеешь подсмотреть самое лучшее у соперников, способен правильно воспринимать и анализировать полученную информацию, это качество считаю наиважнейшим.

Про Ибрагимова и Романькова

С каждым месяцем набирался опыта, в большей степени соревновательного, стал попадать на динамовские сборы, вначале юношеские, потом юниорские. Уже упоминал, что в 1981 году выступал на Всесоюзной Спартакиаде школьников в Каунасе и проиграл в финале Анвару Ибрагимову, своему будущему товарищу по команде и по жизни. Причём, вёл по ходу 6:2. И тут у него какие-то бинты на колене размотались, потом он поменял одну, позже вторую рапиры – и ему удалось сбить темп: весь мой напор куда-то улетучился. И я в итоге проиграл…

На Кубке СССР в Кутаиси в конце 1984 года мы с Анваром, два юниора, оказались в финале. Это было нечто, потому что не первенство водокачки всё-таки – а один из главных, можно сказать, второй по значимости турнир страны, в котором участвовали все сильнейшие, в том числе и Александр Романьков, уже тогда неоднократный чемпион мира, олимпийский призёр. И если раньше Саша на сборах мог позволить себе на правах старшего и именитого скомандовать: «Молодой, иди сюда!» И легко чихвостил. То теперь, когда мы встретились в полуфинале взрослого Кубка страны, я повёл 9:3. 9:3 выигрывал у самого Романькова! Он был в шоке. А если учесть, что Саше был тогда уже 31 год, он был полон сил, энергии. А тут какой-то щегол посмел посягнуть на Самого и выигрывает с таким серьёзным перевесом.

Можете себе представить, что я выслушивал от старшего товарища при каждом кор-а-коре: весь набор «лестных» слов из лексикона самого именитого рапириста мира. Я старался всё пропускать мимо ушей, гнул свою линию.

Но напротив меня был всё-таки Романьков. Он нанёс четвертый укол. Потом пятый. Шестой! Седьмой!! Восьмой!!! Девятый!!!! Равенство – 9:9! Как мне удалось тогда после такого стремительного напора мастера нанести два своих укола (тогда уже по правилам разница должна была быть в два) и выиграть 11:9, даже вспомнить не могу.

Всё, с этого момента для Романькова я стал врагом. И при каждом случае он демонстрировал свою неприязнь. Мне же было всегда очень интересно соперничать именно с великим, даже величайшим рапиристом всех времён, который всегда был и оставался приверженцем классического фехтования. Это было не просто, нет, потому что Саша дрался в каждом бою до конца, как зверь. Но комфортно, потому что он, повторяю, был классиком. А мы уже были испорченные – могли и в плечо уколоть, и в бок, и даже иногда в треугольник. Я уже успел подглядеть не классическое, а я бы назвал его «буржуазное» фехтование, когда можно было, как в сабле, захлестнуть, идти на соперника с прямой рукой, уколоть не прямо, а с прохлёстом. У того же Романькова четвёртая защита была сумасшедшей, но и она пробивалась, если получалось захлестнуть клинок.

Вот ему с нами было очень некомфортно. Особенно на тренировках. Начинаешь хлестать, а он начинает беситься. А иным путём Романькова не переиграть – только используя нестандартные приёмы.

Финал Кубка я проиграл Анвару Ибрагимову. Он тогда вернулся после турнира «Дружба», который проводили из-за отказа участвовать в Олимпийских играх в Лос-Анджелесе. К тому же уже больше года тренировался у Марка Петровича Мидлера. И быстро усвоил уроки учителя. Он всегда был самым перспективным среди своих ровесников – лучше, чем я, чем Дима Шевченко. И если бы он держал себя в форме и продолжал относиться к фехтованию серьёзно, стал бы великим на долгие годы. К сожалению, по известным причинам этого не произошло.

И ещё могу сказать: когда я сам стал тренироваться у Мидлера, Анвар стал для меня как прочитанная книга. В том же 1987 году на чемпионате страны за «вход в восемь» у него уже не было шансов меня победить. Но это было много позже.

Про закулисные игры

Но внутри страны уже начались совсем не спортивные, некрасивые игры: страна-то большая, участников много, а в сборной всего три места.

Собственно, почему начались? Просто для меня всё это было в диковинку. Не мог даже представить в свои юные годы, что подобное возможно. Только один пример приведу. На чемпионате страны в Хмельницком в ноябре того же 83-го фехтую с белорусом. Судил известный в прошлом рапирист, экс-чемпион мира Василий Станкович из Львова. Упорный получился поединок. Но при счёте 9:9, когда по тем правилам оставался всего один укол до победы, и произошёл этот неприятный момент.

Не успели мы после разбора очередной фразы встать друг напротив друга, раздалась команда рефери «Готовы?» Я тут же по всем правилам поднял руку: «Не готов!» И слышу от судьи: «Предупреждение!» Борец за справедливость, стал возмущаться, на каком основании мне сделано замечание, если это было моё право – ответить утвердительно или отрицательно. В ответ услышал дерзкое, не допускающее возражений: «На место!»

Не успел надеть маску, не говоря уже о том, чтобы встать в стойку, ещё находясь спиной к судье и боком к сопернику, услышал: «Готовы? Начали!» Я – стоп. И сразу следом – «Штрафной укол!» Отец чуть не растерзал Станковича, который был совершенно не прав, но выполнял чьё-то конкретное задание – освобождал место для представителя Украины Олега Брусиловского. Но так нагло убирать конкурента – 18-летнего парня, для которого это могла быть травма на всю жизнь, недопустимо.

К молодёжному чемпионату мира 1984 года в Ленинграде мы готовились в подмосковном Подольске. И я брал уроки у Владимира Гансона. И ни разу – ни разу! – он мне не то, что не сказал, даже не намекнул, что на мировое первенство меня не возьмут. А на тренерском совете он меня назвал даже не основным запасным, а пятым номером.

И получилось, что на том первенстве мира был единственный из рапиристов, кто реально отвечал всем требованиям – и возрастным, и спортивным: Анвар Ибрагимов, который в итоге и завоевал бронзу, уступив в полуфинале Черионi. Двое других – Олег Брусиловский и Николай Васильев из Ташкента были «липовыми» участниками: они оба были 1963 года рождения, а первенство разыгрывалось для спортсменов не старше 1964 года. Разумеется, я был расстроен, несмотря на то, что сезон мне не удался. Но тот же Васильев был на сборе слабее всех. Он вылетел из второй ступени, где из шести участников продолжали борьбу пятеро, чего раньше не случалось. Так он умудрился пристроиться последним в группе.

Позже, когда стал взрослее и начал разбираться во всей этой фехтовальной кухне, легко просчитывал подобные явления. Оказывается, Гансон долгое время работал в Узбекистане, дружил с Иосифом Миркиным, тренером Васильева. Так скажи сразу, что на меня никто не ставит, что шансов нет, возможно, я бы понял, что к чему. Так нет же.

Я в своей практике никогда подобного позволить не мог: лучше вообще не стану тренировать спортсмена, чем буду просто отбывать номер на дорожке, не отдаваться работе полностью. Не в моём это характере.

Вспомнился ещё один забавный эпизод из соперничества тех лет. На первенстве Союза 1985 года в Харькове он произошёл. За вход в четвёрку я, в то время ещё динамовец, фехтовал с Овиком Аракеляном, армейцем. А тут как раз уколы фиксировали по новым аппаратам «ВИСТИ», на которых кроме традиционных лампочек красного, зелёного и белого цветов были две маленькие жёлтого цвета. Они должны были гореть при некорректных действиях спортсмена: если он гарду прижимал к электрокуртке.

Борьба получилась упорная. Идем укол в укол. И вдруг Владимир Назлымов, который в то время руководил фехтованием в ЦСКА, кричит судье, что на моей стороне аппарата заго-

релась жёлтая лампочка. Причём, подобного никак не могло быть, потому что был не ближний бой и никакого кор-а-кора, а рука с рапирой была вытянута. Получилось, что аппарат сам по себе сработал не в мою пользу. Но судья непреклонен – предупреждение, несмотря ни на какие мои возражения.

А уже к концу боя вновь вмешался в ситуацию Назлымов: вновь жёлтая горела на моей стороне. Скорее всего, аппарат был неисправный.

Но это сегодня я рассказываю всё со смехом. А тогда для меня это была трагедия: получил штрафной укол ни за что, ни про что и проиграл бой. Вот так и было: за год до этого меня ни с того, ни с сего наказал Станкович, теперь не доведённый до совершенства аппарат помешал попасть на пьедестал.

Меня всегда удивляло, как взрослые, именитые, всё понимающие люди, ради достижения каких-то своих сиюминутных целей, готовы были пойти на подлог. Даже представить не мог, что подобное возможно. Сегодня я сам руководитель, но даже в мыслях никогда не держал, чтобы добиваться побед для своих учеников подобным неправедным путём. Но это был Назлымов, этакий хамелеон от фехтования, которого мне пришлось терпеть ещё не один десяток лет.

Про богатыря Апциаури

А после победного Кубка страны в Кутаиси меня стали приглашать на сборы уже по взрослым. И первый из них был в Стайках в январе 1985 года. Оказываюсь в одной комнате с Владимиром Апциаури. Старшим тренером тогда бы Олег Визгунов.

Утром спим. А кто-то просто ломится к нам в дверь. Я же сплю обычно как удав, открываю один глаз – Вова ухом не шевелит. Кое-как поднялся, открыл. А там Визгунов визжит: «Вы что с ума сошли! Зарядку проспали! Посмотрите на часы: сколько время?» Пришлось каяться, извиняться. «Быстро на завтрак, потом тренировка».

Подхожу к Апциаури – а он вообще никак не реагировал на крики главного тренера. Бужу его: «Вова, вставай! Визгунов приходил, ругался. Ты чего дверь не открыл?» «Чего?» – раздалось в ответ. Поднялся не торопясь. И со словом «Чидаоба!» скрутил меня на раз. Чидаоба – оказалось грузинская борьба. А Вовка здоровенный был, у него руки как клещи, берет твоё запястью двумя пальцами – и ты как в тисках.

Я сразу на попятную: «Вова, хорошо, до конца сборов дверь открываю только я».

Думаю, так быть не должно, надо что-то придумать, чтобы поставить грузина на место. Рассказал всё Ибрагимову. Анвар моментально среагировал: «Давай его после тренировки поймаем». Третьим позвали Игоря Городского. Здоровяка-сибиряка из Риги: широченные плечи, ладони, как две моих, 47-й размер ноги.

Заканчивается тренировка. Вовка раскачивается на батуте, ни о чём не подозревая. Мы втроём подкрадываемся. А он на батуте, у него нет точки опоры. Мы на него набрасываемся. Но и тридцати секунд не прошло, как мы не знали, где наши руки-ноги, где головы: он нас скрутил всех троих в бараний рог. И орали так: «Вова, прости, пощади, это была ошибка». А в ответ только одно слово: «Чидаоба»

Вы не представляете, какой силы был этот человек. Чтобы прыгнуть в длину с места на три метра 20 сантиметров, нужно прилично размяться. Но только не Апциаури. Для него это вообще не результат. Он прыгал так безо всякой подготовки. Безо всяких проблем до баскетбольного кольца допрыгивал – а это всё-таки 3.05 метра.

Но Вовка был замечательный – настоящий друг, старший товарищ. Никогда не думал, что в мае 2012-го буду нести гроб с его телом. Ужас, какой-то, словами не передать…

Про первое чемпионство

Это был шаг во взрослую жизнь. Июнь 1985 года. К сожалению, мы не смогли вовремя прилететь на чемпионат страны – то ли нелётная погода в Баку помешала, то ли самолёт оказался неисправным. Появились в универсальном зале «Дружба», когда личные соревнования уже завершились. А сборная республики у нас была очень приличная, и все мы молодые, воодушевлённые, сильные. Кроме меня, Боря Корецкий, Петя Мардухаев, братья Саркисовы – Миша и Аркаша. Хорошая команда. Понятно, что нас допускают под последним номером. А под первым – сборная Москвы. И мы обыгрываем столичных ребят в одну калитку. Если не ошибаюсь, счёт был 9:3. Потом в восьмёрке побеждаем белорусов с Сашей Романьковым, в полуфинале – очень сильную грузинскую команду, в которой фехтовали Вовка и Зураб Апциаури, Гогита Гелашвили, Гия Абашидзе, уже много лет живущий в Америке. И в финале встречаемся с первой сборной РСФСР.

Перед самым боем к отцу подошёл один из судей и сказал, что свыше приказали сделать всё, чтобы не дать выиграть команде Азербайджана. И действительно нас начали душить с первых же поединков. Отец, понятное дело, начал возмущаться, и его выгнали из зала. Он пошёл на трибуну и встретил председателя спорткомитета Азербайджана, который пришёл не один, а с Николаем Русаком, в то время заместителем председателя Всесоюзного спорткомитета. И наш руководитель удивился, что старший тренер республиканского фехтования не в зале, а на трибуне. Отец всё рассказал, как есть. Русак, разумеется, тоже услышал. И в мгновение всё переменилось, и судейство стало объективным. И мы выиграли. 9:4. Боря дал 4 победы из четырёх, я – 3 из трёх, то есть у меня ещё бой оставался, Петя, соответственно, отличился два раза. Я всегда давал три свои победы. Если Боря не давал три, то мы проигрывали. И мы ещё несколько лет оставались на вершине рапирного фехтования в стране.

И ещё такая важная деталь: мы стали единственной командой среди представителей всех видов спорта Азербайджана, которая выиграла золотые медали чемпионов СССР. Кстати, отец, который всегда передавал в нашу азербайджанскую спортивную газету материалы о фехтовании, как сейчас помню, назвал ту свою статью «Взлёт после нелётной погоды».

Про первый обман Назлымова

Сбор перед чемпионатом мира 1985 года в Барселоне проходил в Стайках. И меня пригласили, потому что я уже был в обойме. Но на чемпионат мира поехал почему-то Андрей Клюшин. А до этого тот же Клюшин проиграл на чемпионате страны за «вход в шестнадцать» Васе Рослову, который никогда не котировался среди сильнейших. Прекрасно понимал уже тогда, что в команду должен быть включен не я и не Клюшин, а Владимир Лапицкий. Но его даже на сборе не было. Он считался изгоем. А на тренерском совете пятым утвердили Клюшина, кроме Романькова, Апциаури, Ибрагимова и Виталика Логвина из Ташкента, который в тот год стал чемпионом страны.

И после заседания случайно встречаю двух тренеров – Иосифа Миркина и Владимира Житлова. И, набравшись наглости, в лоб спрашиваю: «И чем это я вам так не угодил?» С высоты сегодняшних лет поступок 19-летнего парня мне кажется просто неприличным. Спросил, удивил своим вопросом, но ответа не получил. Однако поступок этот даром не прошёл. Узнал о нём в тот момент уже главный тренер сборной страны Назлымов. И решил со мной поговорить.

Идём по Стайкам. Лето, тепло, сосны. И Владимир Аливерович стал меня успокаивать: «На чемпионат мира надо ехать выигрывать. Ты ещё молодой, успеешь. Надо спокойно отнестись к решению тренерского совета. Через полтора месяца Универсиада в Кобэ, в Японии. Поедешь на Универсиаду. Наберёшься необходимого опыта». Главный сказал, значит, тому и быть.

Через месяц собираемся в Харькове на сбор перед поездкой в Японию, за пару дней до отлёта переехали в Москву, жили в гостинице «Спутник». Сидим в номере, ждём, когда позовут на экипировку, играем вчетвером – Апциаури, Корецкий, Анвар и я – в карты, и тут папа звонит: «Ильгар, не расстраивайся!» Я в недоумении: «Почему я должен расстраиваться?» «Ты что не знаешь? Ты в Японию не летишь». «А кто летит?» «Аркаша Саркисов». Вот уж о ком подумать не мог – он наш, бакинец, но никогда ничего не выигрывал, да и фехтовал так себе. А мне Назлымов обещал, здесь, в Москве, никто слова не сказал. Попытался найти Назлымова – бесполезно. Спросил у Иозаса Удраса – он командовал фехтованием в «Буревестнике», студенческом обществе. Тот: «Это вопрос не ко мне». Ну и для чего меня приглашали на сбор, для спарринга? Наверное, могли бы найти кого-нибудь другого для этой цели.

Назлымов появился, когда автобусы уже отправлялись в аэропорт. Я, естественно, с вопросом к главному тренеру. А в ответ ничего внятного и конкретного: главный тренер сборной ничего не мог объяснить 19-летнему парню. Так и не узнал, почему остался дома в том, августе 1985-го. Знал, что Удрас дружит с Рафиком Арутюновым, тем самым тренером, к которому я когда-то пришёл на тренировку в кроссовках на одну ногу. А тот как раз Саркисова тренировал. Но по всем выкладкам я был сильнее плюс обещание Назлымова. При этом я понимал, что решение меня не брать было принято раньше. Так почему не объявили мне заранее? Но вопросы я мог задавать только сам себе – никто другой отвечать на них не собирался.

Про Ждановича в роли старшего тренера

Февраль. 1986-й. Приезжаем в Раубичи на сборы. Во главе рапирной сборной уже не Визгунов, а Виктор Жданович.

В сентябре 1985 года я был на всесоюзном сборе, а Жданович на динамовском. В Эшерах. Народу было много. Все общества тогда собирали своих фехтовальщиков. И, понятно, без футбола не обошлось. И в одной из атак я ударил и промахнулся. И Жданович кричит: «Всё, больше ему пас не давайте!» Чего вдруг, думаю, он так на меня взъелся. Я бил по воротам, не попал – с кем не бывало И тут следующая фраза первого олимпийского чемпиона меня шокировала: «И не поможет тебе твой папа со своими деньгами». Я предполагал, что вокруг меня что-то происходит, но уж не до такой степени. «А при чём здесь мой папа? – поинтересовался. – Мы же о футболе речь ведём». И добавил: «Вы не хотите со мной поговорить?» И услышал совсем нелицеприятное, чтобы передать на бумаге. Смысл был такой: кто ты, мол, такой, чтобы я с тобой разговаривал. Если мерить по званиям, то, наверное, он был прав: я – рядовой, а он – полковник. То есть, по его понятиям, мог позволить такое обращение. Но я прежде всего человек. Да ещё южанин. Ну и послал его по известному адресу.

В октябре 1985 года приезжаем на сбор в Алушту. Первый сбор в Крыму на спартаковской базе. И все мужики смеются надо мной. «Чего ржёте?» «А ты не знаешь, кто новый старший тренер сборной Союза?» «Кто?» «Жданович!».

С этого момента я стал для него предметом мебели – он меня в упор не видел. И чего только не придумывал, чтобы не брать меня на соревнования.

Так, к «Боннскому льву»-1987 готовились в Сухуми, потом перелетели в Москву и заселились в гостинице «Спорт». Туда же ночью из Сан-Паулу вернулись пацаны с молодежного первенства мира. Шевченко стал чемпионом, Паша Соловьёв замкнул восьмёрку.

И тут объявляют, что утром мы трое должны быть в спорткомитете на Лужнецкой набережной. Пацаны – 19-летние ребята – после длительного перелёта ещё в себя прийти не могли. Им бы поспать всласть – ан нет: приказ свыше – на следующий день лететь в Германию на турнир «Боннский лев». Ребята взмолились – мол, устали очень, не до соревнований им сейчас. А мне Жданович объявил, что я остаюсь дома. Естественный вопрос: «Почему?» «Твой загранпаспорт куда-то подевался, мы его найти не можем». А куда мог исчезнуть паспорт, если он должен был быть у старшего тренера, то есть, у Ждановича? Странная картина: молодёжь не хотела, но её заставили лететь в Германию, а я хотел выступать, но была выдумана причина, чтобы не брать меня в команду. Других поводов придумать не могли: я же был призёром чемпионата страны.

Про стычку с Романьковым

Возвращаемся в Раубичи в феврале 1986-го. Жданович уехал на юниорское первенство мира, а за старшего Эрнест Владимирович Асиевский, тренер Романькова. Но я почувствовал уже иное отношение к себе.

Фехтую с Апциаури на тренировке. Вовка останавливается: «Чего-то наконечник откручивается, подержи катушку, Ильгар». Я держу катушку. А Романьков дрался на соседней дорожке, и у него белый фонарь загорелся. Он ко мне: «Ильгар, дай катушку!» «Вовка вернётся, потом бери» «Пока он вернётся, у меня бой закончится». Отдал катушку Саше.

Апциаури вернулся. Саня проиграл. Мы стоим ждём, когда Романьков катушку вернёт. Я спросил: «Сань, катушку отдашь?» В ответ: «Совсем обалдел, тратата!».

Отстёгивает карабин и бросает катушку – она улетает в сторону. «Пошёл на…», – слышу от Романькова. «Иди сам туда же», – обменялись любезностями. Я поворачиваюсь и получаю удар рапирой наотмашь по спине. Не раздумывая, отвечаю тем же. Романьков просквозил мимо к Асиевскому: «Или он, или я?» Не трудно догадаться, кого выбрали.

Собирается тренерский совет вместе со спортсменами. Решение: отчислить Мамедова со сборов за неспортивное поведение. Я попытался вставить, что тебя бьют, оскорбляют – это по-спортивному? Меня не стали слушать: «Всё. Завтра уезжаешь». Все молчат.

Вечером кто-то ко мне подходит: «Мы перерешили: на сборе остаёшься. Но в Венгрию на турнир не летишь».

А на следующий день выходной. И все укатили в Минск. Стою один на остановке, жду автобуса, чтобы отправиться следом. Вдруг останавливаются «Жигули», бордовая «семёрка». Романьков: «Ты куда, в город? Садись, подвезу».

В поездке мы не произнесли ни слова.

Встретился с девушкой, погуляли по Минску, потом пошли в ресторан. И там встретил Вовку Апциаури и Гегама Оганесяна с девчонками из местного института физкультуры, мы давно были знакомы. Зная, что нахожусь под контролем, не пил совсем, в отличие от коллег. С большим трудом вытаскиваю ребят из ресторана – время поджимало.

Приехали в 23.03 – на три минуты опоздали. Асиевский и Балаян стоят внизу. «Ты пил?» – ко мне. «Нет». «Смотри, сейчас будем проверять». «Пожалуйста, проверяйте». Гегама спрашивают, в ответ: «Чуть-чуть». Апциаури: «Одын стаканчик». «Идите спать!» Минут сорок пудрили мне мозги. Я даже фразу бросил: «Да хоть судмедэкспертизу вызывайте, я не пил». «Иди, завтра разберёмся».

На следующий день утром объявляют: Мамедова отчислить со сборов теперь за нарушение спортивного режима. А вечером новая установка: остаёшься, но с турниром в Венгрии не известно. «Так я же туда и так не еду?» «Может быть, поедешь».

Через пару дней возвращается Жданович. Решение старшего: в Венгрию едешь, но деньги не обмениваешь. А до этого, когда в январе были в Париже, Вовка Лапицкий понакупал себе много разных вещей. И его остановили на таможне. Решение было странным – все эти вещи без права ввоза в СССР. А ещё и Анвара прихватили, хотя у него кроме двух пар джинсов и пары костюмов ничего особенного не было. Объяснительные с обоих потребовали. И Анвар стал писать какую-то глупость. Его тоже решили наказать.

Но Лапицкий, хитрый малый, сделал доверенность на Апциаури, а Анвар на меня. Чтобы мы могли забрать вещи со склада временного хранения в Шереметьеве и вывезти их. И Жданович, которому добрые люди тут же обо всём доложили, почему-то подошёл ко мне, а не к Вовке: «Если хоть одна вещь в страну вернётся, ты – не выездной».

Разумеется, всё ввезли. И в автобусе, который нас встречал, объявляют фамилии тех, кого приглашают на сбор перед «Боннским львом». Мамедова не назвали. Спросил, по какой

причине. Услышал невразумительное: «По причине неконтактности». И я был невыездным целый год. После турнира Тарлея 1986 года следующим стал турнир Тарлея 1987 года.

Про Бориса Корецкого

Тому же Борису Корецкому свыше было дано стать именно фехтовальщиком. В 1977 году в Баку проходило первенство СССР среди юношей, и там я впервые увидел Борю. Он уже тогда был для нас кумиром и предметом для подражания. И летом на даче по периметру бассейна я ходил в фехтовальной стойке, подражая движениям, которые подглядел у Корецкого.

А потом мы оба оказались в «Динамо» у одного тренера – Гарика Арменаковича Балояна. В то время счет в фехтовании в «олимпийке» вели до 10 уколов, чуть позже до 10, но с непременной разницей в два балла и с потолком в 12 уколов. И поначалу Боря давал мне фору в 8 уколов, и я не мог у него выиграть. Разумеется, разница в возрасте – без малого пять лет – имела большое значение. Но со временем всё изменилось. Кроме характера Корецкого.

Я – человек слова. И если я кому-то что-то пообещал, то сделаю всё, чтобы сдержать данное слово. И на дух не переваривал людей, которые поступают иначе, не отвечают за обещанное.

Декабрь 1985-го. Кубок СССР в Харькове. Ко мне подходит Корецкий: «Ильгар, я могу вылететь из третьей ступени. И мне надо, чтобы Макс Хотенко, твой друг, мне бой отдал». А перед этим был ещё какой-то турнир, в котором Корецкий и Хотенко оказались в аналогичной ситуации. Только тогда для Корецкого тот бой ничего не решал, а для Хотенко наоборот – мог помочь пройти в следующий круг соревнований. Ну и Макс попросил, чтобы я поговорил с Борей. Но Корецкий тогда заартачился, и выиграл. И в Харькове я Боре говорю: «Ты же месяц назад просьбу Макса проигнорировал. А теперь хочешь, чтобы он пошёл тебе навстречу?» Понятно, что уже москвич не соглашался ни в какую. Но всё-таки удалось его уговорить с «железобетонным» обещанием Корецкого «вернуть должок» при первой же необходимости. В общем, Хотенко тогда согласился, только потому что я попросил. Боря выиграл и прошёл дальше и дальше, и в итоге стал обладателем Кубка страны.

А в январе 1986-го – турнир сильнейших в Стайках. Система соревнований мне нравилась, потому что соперничали каждый с каждым, «накушиваешься» по полной, но и пользу получаешь огромную. Победы суммируются, и у кого их больше попадает в финал А, у кого меньше – в финал Б и так далее.

У меня бой с Корецким. Веду 4:2. А тогда договорённости между нами были такие, что если ты первым набираешь 4 укола, то отдаёшь сопернику уколы до 4-х (для коэффициента) и автоматически выигрываешь. Но это же Корецкий! Он сравнивает счёт, но я спокоен, что последний укол за мной. Не тут-то было! Боря делает быструю атаку на подготовку, и фонарь горит на его стороне. Я не попадаю в финал А.

Естественно стал выговаривать земляку, что так не делают. Раньше он подвёл моего друга, теперь «кинул» меня. В ответ услышал: «Извини, рефлекс сработал». Знаю я эти рефлексы!

Февраль. Ленинград. Гостиница «Октябрьская». Бог наказал Борю – в одном из столкновений он сломал большой палец на правой ноге. И не мог надеть нормальную обувь – из Баку он летел в адидасовских шлёпанцах, разумеется нога в тёплом носке. Там мы готовились к «Ленинградской рапире». Но Боря толком не тренировался – куда с такой-то ногой.

Начался турнир. У меня предстоит непростой бой с Лапицким. Подходит Хотенко: «У меня бой за вход в «шестнадцать» с Корецким. Напомни ему, он же должен долг вернуть». Иду к Боре: «Ты помнишь про своё обещание – отдать бой Хотенко?» Тот юлить начал: «Мы тогда на пять фехтовали». «Причём пять или десять – он пошёл тебе навстречу, ты после этого выиграл Кубок». «Ладно, ладно».

Я выигрываю свою встречу. Не успеваю отключиться от аппарата – на соседней дорожке крики, шум, гам. Иду туда. Макс возмущённый: «Боря у меня выиграл!» Я к Корецкому: «Ты что сделал? У тебя опять рефлекс сработал?»

Я даже представить не мог, что подобное возможно. Во мне всё кипело. И тут за Корецкого вступился Балоян: «Это мы все плохие, а ты один хороший». Я ничего понять не мог: выходит, я один такой ненормальный, ратовал всё время за порядочность и справедливость. А эти два человека, с которыми я многие годы прожил бок о бок, просто использовали меня, когда им это нужно было? «Ладно, – говорю. – Хорошо. Теперь нам с вами не по пути – вы идёте своей дорогой, я – своей». Повернулся и ушёл. Так завершилась моя динамовская эпопея. Но всё происшедшее меня удивило. То есть, для этих людей синица в руках оказалась важнее, чем журавль в небе.

Про первые уроки Мидлера

1986 год. Так я остался без тренера. И тут вспомнил, что на сборе в Стайках летом 1985 года, перед чемпионатом мира, Анвар сказал мне, что Мидлер хотел бы меня тренировать. Тогда я всерьёз не воспринял это предложение: я же динамовец, и никуда из «Динамо» уходить не собирался. Анвар стал объяснять, что Мидлер не всех берёт, и раз обратил внимание на меня, то от таких предложений не отказываются. Я категорически ответил: мне, мол, это не интересно. Какой же я был наивный?

Итак, я – без тренера и ещё без какой-либо принадлежности к спортивному обществу. Вольный стрелок, Робин Гуд. «Динамо» я был не нужен – фехтование там возглавлял, кроме сборной, Жданович. Я как раз заканчивал срочную службу в динамовских войсках в июне 1986. И на чемпионате страны в Ленинграде в июне 1986, будучи ещё рядовым срочником, написал рапорт на и. о. начальника команды фехтования ЦСКА Олега Пузанова.

8 августа 1986 года приехал в столицу к Марку Петровичу сдаваться. Не сразу попал в ЦСКА, вначале меня определили в Московский округ ПВО, где я познакомился с Хасаном Исмаиловым, который как раз отвечал за фехтование в этой организации. Так я оказался сержантом сверхсрочной службы на какой-то радиолокационной станции в 150 км от Москвы. Один раз мы туда ездили. Но запомнилась та поездка надолго: вначале одно колесо на «восьмёрке» Хасана пробили, потом второе. А поздняя осень, холод, без запаски.

Поначалу расселился со сборной РСФСР, у которой в Химках в гостинице «Маяк» проходили сборы. Мест свободных не было, и мы спали втроём на двух сдвинутых кроватях с Раисом Сафиным и Валерой Новиковым.

И 16 августа 1986 года – первый урок у Марка Петровича. А восемь дней до этого ничего не делали, гуляли, как умели, по Москве. И как-то сразу мне стало очень интересно, и до конца моей спортивной карьеры я трудился исключительно с Мидлером.

А на Спартакиаде народов проиграл двум его ученикам – Шевченко и Шаймарданову. Но уже через месяц я обыграл всех на первенстве Вооружённых сил в Ереване. Всё, что ни делал, всё, чему меня Мидлер за этот месяц научил – всяческим хитростям, «провокациям», – все получалось. И это при том, что соперники у меня были очень серьёзные – за «вход в восемь» выиграл у Апциаури, за «вход в четыре» победил Клюшина, в полуфинале – Анвара. И в финале встретился с Гегамом Оганесяном. А он же дома фехтовал и вёл 9:7, но мне удалось выиграть 11:9.

Но больше всего понравилось, что проходили все мои домашние заготовки, я ловил соперников «на удочку», что было приятно. Я уже фехтовал с новым репертуаром. Использовал различные трюки.

Что касается Мидлера, то он нас не переучивал, он у каждого выявлял те качества, которые позволяли давать нужный результат, и старался их совершенствовать. Тот же Шевченко, который был выше нас ростом и, соответственно, имел более длинную руку, готовился по одной схеме, Ибрагимов – по другой, я – по третьей. У каждого была своя специфика – разная скорость, разная координация. Взять того же Юрия Лыкова, у которого с координацией было совсем плохо. И при этом он был уже двукратным чемпионом мира. Когда на тренировках мы использовали мяч, то для Юры, как он сам говорил, «самым страшным было остаться наедине с мячом». Но фехтовальная манера ведения боя у него была очень неприятная для многих соперников. В этом и заключалась манера работы Мидлера, который из простого спортсмена мог сделать сильного бойца, а из сильного и способного ученика – очень-очень сильного.

Я никогда не видел, чтобы Мидлер был в гневе, в ярости, возмущался, обижался или негодовал. Марк Петрович перевернул мою жизнь. Он безусловно обладал педагогическим даром. Он точно представлял себе, на кого можно кричать, кого можно даже оскорблять, а кого

нужно хвалить и вдохновлять. Конечно, были случаи, когда кто-то из учеников не выдерживал пассажей Мидлера, срывал маску и посылал Марка Петровича по известному адресу. Это означало одно: тренер провоцировал ученика нарочно. Он держал его в тонусе.

Ну и, конечно, после того, как СССР приказал долго жить, и Марк Петрович возглавил сборную России по рапире, начался резкий рост наших результатов.

Про придуманное Мидлером «наказание»

Там же на трибуне Назлымов всех собрал и сказал, что Ибрагимов отдал бой Мамедову. Меня это возмутило. Я и без этого никогда не молчал. Ну и тут встрял: «А что у вашего сборника нельзя выиграть?» Но реакции на мою реплику не последовало.

Позже сижу в гостиничном номере с рапиристами из Баку. Стук в дверь, мелодичный. Стоит Анвар, за ним Асиевский. Тренер очень грозно со всеми говорил, а, заметив бутылки на столе, заключил, что нарушать режим и после соревнований нельзя. Естественно, на следующий день всё стало известно Назлымову, он устроил взбучку. А Мидлер уже улетел в Москву. И когда мы вернулись, Марк Петрович собрал нас пятерых, сказав, что фехтовальщик должен быть умным, чтобы его не поймали на глупостях. И в наказание каждый из нас должен пойти в сберкассу и положить на счёт Фонда мира по 50 рублей. По тем временам это были очень большие деньги – 250 рублей. И условие было суровое: пока не заплатите, тренировок не будет.

Ну мы исхитрились заплатить 50 рублей, скинувшись по десятке. Причём, все бабушки в сберкассе разбежались – им даже представить было невозможно, что здоровые амбалы переводят всего 50 рублей в какой-то Фонд мира. Цифру 2 приписать к 50 было несложно. А вот умудриться добавить прописью «двести» оказалось труднее. Но и с этим справились. Да и Марк Петрович особо не присматривался к квитанции – сделали и сделали.

Про размышления о будущем

Мой переход из «Динамо» в ЦСКА совсем не обрадовал Назлымова, который помимо сборной страны возглавлял ещё и армейское фехтование. Думаю, что это было связано не столько со мной, сколько с персоной Мидлера – у Марка Петровича всегда были сложные отношения с Владимиром Аливеровичем.

Человек всё просчитывающий, как и ходы в фехтовании, я понимал, что, пока сборную возглавлял Жданович, мне там не бывать. Но после Олимпиады 1988 года Ждановича уберут, и я смогу вновь попасть в национальную команду.

В январе 1987 в Стайках на турнире сильнейших я был в тройке, а чемпионат страны проходил на сей раз необычно рано – в марте. За вход в «восьмёрку» я боролся с Анваром и выиграл. За нами следили Назлымов, Жданович, Геннадий Сапунов из спорткомитета. И опять повторилась ереванская история: «Ибрагимов сдал бой Мамедову». Никто даже не удосужился вспомнить, что Анвар до этого никогда не попадал в восьмерку на взрослых чемпионатах СССР. Это опять-таки была агрессия против Марка Петровича. За вход в четвёрку выиграл у Паши Соловьёва. Потом уступил Романькову. И за бронзу спорил с Алексеем Швецовым. И победил. Так в 21 год впервые стал призёром личного чемпионата СССР.

Про горе-тренера Быкова

Сбор перед традиционным турниром Тарлея проходил в Новогорске. Не было ни Ибрагимова, якобы, наказанного за отдачу боя, ни Мидлера. Нет ни моего друга, ни моего тренера. Прикрепляют меня к Быкову Виктору Харитоновичу. Это был тренер олимпийского чемпиона Володи Смирнова, погибшего на дорожке во время чемпионата мира 1982 года. Увы, я не знал Смирнова. Наверное, он был очень талантливым спортсменом. Так как Быков не мог ему дать ничего. И я с первого же занятия понял это. Их и уроками-то назвать нельзя: какие-то непонятные кувырки, какие-то невразумительные полуфлешки. За этот сбор я кажется разучился вообще делать выпады. Жаловался Мидлеру, но в ответ слышал: терпи, не возмущайся.

На сборе перед чемпионатом мира 1987 года в Стайках вновь возник Быков:

– Завтра тренерский совет, если ты хочешь поехать на чемпионат мира, ты должен написать меня своим тренером.

Решил было схитрить:

– Дайте мне подумать, это серьёзный вопрос.

– Нет-нет, время на обдумывание нет – завтра тренерский совет. Пишешь тренером меня – едешь на чемпионат мира. Нет – команда улетит в Лозанну без тебя.

– Знаете что, Виктор Харитонович. Когда я оказался один вообще без тренера – никто мне ничего не предложил. А после года, за который, благодаря Мидлеру, я смог добиться каких-то результатов, вы предлагаете мне предать своего тренера? Я этого делать не буду. Не знаю, поеду ли я ещё на чемпионаты мира или нет. В любом случае хочу попасть на это соревнование не таким путём.

– Что ж, как знаешь. Ты не 15-летний пацан, отвечаешь за свои слова.

Не знаю, как проходил тренерский совет, но мы все втроём – Ибрагимов, Шевченко и я – в команду были включены.

Что произошло в Лозанне, требует отдельного описания. Это чуть ниже. А пока я хотел бы продолжить рассказ о противостоянии с Быковым.

Когда вернулся с чемпионата мира в Баку, раздался телефонный звонок. «Что, не узнаёшь?» «Нет», – говорю. Оказался Быков. Удивился, конечно, – чужой человек, не о чем было мне с ним разговаривать. И в концовке: «Ну что там произошло в Лозанне?» Отвечаю: «Ничего». «Не волнуйся, я всё улажу».

И тут до меня дошло, что на чемпионате мира в Швейцарии была разыграна заранее продуманная театральная постановка, чтобы меня напугать, чтобы я лапки свесил. И дальнейшие события это подтвердили.

Сентябрь всё того же 1987 года. Начало нового олимпийского сезона. Сбор в Алуште. В первый же день – я жил с Гегамом – заходит Быков с какой-то бумажкой и ручкой:

– Вот анкету надо заполнить. Новый сезон начинается, олимпийский.

Сел за стол и сам начал писать. Я отвечал на вопросы: фамилия, имя, отчество, дата рождения, место рождения, образование.

– Тренер?

– Заслуженный тренер СССР Марк Петрович Мидлер.

– А по сборной?

Я не понял. Быков объяснил:

– Вот у Гегама тренер Геворкян, а по сборной – Быков Виктор Харитонович. А у тебя?

Я спокойно ответил:

– Мидлер Марк Петрович.

– Ты что, так ничего и не понял?

Я ещё более спокойно:

– Я всё давно с вами понял. Дальше собираетесь упражняться?

– Ну, смотри.

Это прозвучало как угроза. Но мне было не привыкать. Интересно, что и Анвару, и Диме на этом сборе разрешили тренироваться у Мидлера, а мне нет.

Выхожу из корпуса и сталкиваюсь с Назлымовым:

– Ты и в самом деле ничего не понял?

– Да всё я понял, – отвечаю. – Хотите, прямо сейчас уеду, соберу вещи и уеду.

Но остался, хотя по-прежнему уроки мне давал Быков. А Мидлер повторял одно слово: «Терпи!» Я же не знал тогда, что уже внутри тренерского состава началась настоящая мясорубка. Кое-как доработал до конца сбора с этим горе-тренером.

Про очередной ход Назлымова

Июнь 1987 года. Кубок СССР среди команд обществ и ведомств в Киеве. И неожиданно для нас команду ЦСКА-1 со мной и Анваром «разбавили» Оганесяном, Аракеляном и Костей Зубковым из Ленинграда.

Вначале соревновались по группам. Так мы умудрились проиграть какой-то второй или третьей команде профсоюзов, потому что наше «мудрое» армейское руководство решило Ибрагимова посадить в запас. После этого мы не попали в финал А. И, что самое интересное, в сильнейшую финальную группу не прошла и сборная «Динамо»-1: Романьков, Апциаури, Корецкий и Клюшин. Любопытнее всего, что всех четверых обыграл один Шевченко. А когда мы соперничали с этой же командой в решающем бою финала Б, четыре победы дал уже я. В итоге за главный приз соперничали вторые команды, а сильнейшие умудрились оказаться ступенькой ниже.

Но всё равно три ученика Мидлера по очкам проходили в сборную, чтобы поехать на чемпионат мира 1987 года в Лозанну, хотя, как вы помните, я уверен был, что раньше 1989 года меня в национальную команду не возьмут.

По ходу я вдобавок ко всему выиграл ещё международный турнир на Кубе в городке Санта-Спиритус. Мы соревновались на Кубе в традиционном соревновании команд социалистических стран, а потом остались на неделю для участия уже в более представительном по названию испытании с участием сборных панамериканского региона. Две недели на Кубе, отличный отель, хорошая обстановка, милая атмосфера. Рай, одним словом.

Получалось, что Анвар, Дима и я могли попасть в сборную СССР, чтобы выступить на чемпионате мира. Плюс Романьков и Клюшин. Вызывают нас на сбор перед главным соревнованием сезона, а Мидлера не вызывают. Ну, относитесь вы предвзято к Марку Петровичу, но у него три спортсмена могут попасть на мировой чемпионат. Иными словами, это было равносильно тому, чтобы заранее обречь команду на неудачное выступление. Наверное, никогда не пойму все эти закулисные игры.

И тут Налымов изобрёл очередной хитрый маневр. Собрал всех и объявил, что набранные по ходу сезона очки никого не интересуют и ни на что не влияют. Состав команды должен быть определён после прикидок. Нас, разумеется, никто не спрашивал. Что ж, прикидки так прикидки.

На первой я и Шевченко попали в тройку. В итоге этих самых прикидок провели аж четыре. И на всех мы оказывались в тройке сильнейших. То есть, ни от меня и не от Шевченко они избавиться не могли, как бы им этого не хотелось. Причём, это было не соревнование избранных, а каждый раз подбирался конкретный большой турнир с участием нескольких десятков бойцов в каждом виде оружия.

И Назлымов уже не знал, что делать, каким образом «отцепить» мидлеровских учеников. При этом объявил, что четвёртое испытание – последнее. Ну и мы на радостях решили с Анваром это дело отметить.

На следующий день на зарядке главный тренер объявляет: «Сегодня состоится пятая – заключительная – прикидка». И подходит к Анвару почти вплотную: «И если ты сегодня её не выиграешь, в Лозанну не поедешь».

Странным выглядело то, что до этого момента Анвар был как бы неприкасаемым, все стрелы были выпущены в нас с Шевченко. А тут пошла атака на нашего товарища. Да ещё в таком состоянии. Но Анвар – боец опытный. Причем, на сей раз была «олимпийка» с выбыванием. Анвар с одной стороны шёл, я – с другой. Оба выиграли по четыре боя до 10 уколов. Решающий между нами. Разумеется, в такой ситуации сделали всё, как требовал Назлымов – Анвар выиграл. Я опять наверху – деваться некуда.

В Лозанне мы с Шевченко попали в «олимпийку». Помню, обыграл тогда сильного итальянца Андреа Чипрессу, Дима выиграл два боя. И заняли 15-е и 21-е место – совсем неплохо для первого раза. Все остальные, кто участвовал и прежде в чемпионатах, вылетели гораздо раньше.

В команде фехтовали достаточно ровно. И в соперничестве за 3-е место Анвар дал два боя и я дал два боя. А Романьков с Клюшиным – по одному из четырёх. И мы уступили венграм. А в таких важных встречах надо было давать минимум 50 процентов. Что мы с Анваром и сделали.

Про пресловутый видеомагнитофон

Но больше всего чемпионат мира запомнился тем, что я приобрёл себе видеомагнитофон «Шарп». В те годы большая редкость. Ремоут-контроль у него был на проводе. Помните фильм «Однажды в Америке», когда молодой Патрик купил пирожное «русскую шарлотку» и пришёл к Пегги. Постучал в дверь, и мать девушки ответила, что она моется. И вот он сел на лестнице в ожидании подруги. И по кусочкам пирожное съел. Когда девушка вышла, Патрик ретировался, сказав, что придёт позже.

И я вытащил свой видик, поставил, накрыл полотенчиком, а потом поднимал полотенце и закрывал, поднимал – и закрывал: не мог налюбоваться на подарок для своих домашних. Стоил-то он дорого.

Ранним утром нам выезжать в аэропорт, а тут в полночь стук в дверь. Назлымов:

– Где видеомагнитофон?.

Ничего не подозревая, я с удовольствием снимаю полотенце.

– На какие деньги купил?

– На суточные, плюс Анвар был мне должен 90 долларов, плюс продал пару банок игры, – честно признался я.

– Ты что – икру продал?

– А вы что её съели? – парировал я.

Ушёл, но через какое-то время вернулся:

– Ты меня обманул, Анвар должен был тебе не 90 долларов, а только 50.

Не знаю, почему он назвал эту цифру, мог сказать и 150 – было бы ещё лучше. И он до сих пор не знает, почему брякнул 50.

В полпервого ночи в комнате у Романькова назначили собрание. И меня начали песочить: «Вернешься домой – заканчивай с фехтованием. Не видать тебе Олимпиады, как своих ушей». И так далее. У Санька Романькова стоял такой же видеомагнитофон и куча прочих разных вещей. А заключил свою речь Назлымов следующими словами: «Этот видеомагнитофон в страну не попадёт. Сделаю всё, чтобы его не пустить».

Что оставалось делать? Поднимаюсь к саблистам – а они только чемпионат выиграли, отдыхают, как положено. Я только рот открыл, они меня за стол посадили. И через пять минут я забыл, зачем пришёл. Гоша Погосов спросил, что случилось. Я рассказал. Он: *«Я* у тебя его заберу. Сколько он стоит?» «470 долларов». «Половину я тебе дам сейчас – всё равно ввозить такую сумму в страну нельзя, а половину тебе передадут на следующем турнире. Согласен?» Конечно, я в тот момент был на всё согласен. Принёс свою драгоценность, которая уже мне не принадлежала.

Утром рано я, как всегда, чуть задержался – Анвар с Димой уже ушли с вещами. Опять забежал Назлымов:

– Где видеомагнитофон?

– У саблистов.

И прямиком в туалет. А там в мусорной корзинке пустая бутылка из-под «Чинзано». Одна-единственная. Я опешил: трехкратный олимпийский чемпион копается в отходах!?

– Кто пил?

Я даже ответить не мог, так меня поразил поступок главного тренера.

– Ну, ничего, дома я со всеми разберусь!

Чего-то ещё там наговорил, уж и не помню, что именно.

А руководителем делегации был тогда один из высоких цээсковских чинов – начальник аж первого отдела Спорткомитета Минобороны Валерий Журули. И когда я вышел на улицу,

он так пренебрежительно, кивая на меня, спросил: «Этот, что ли?». Назлымов кивнул. «Ну, пускай этот фраерок ещё годок дома посидит».

Был бы постарше, прямо там бы вмазал за подобное хамство, невзирая на звёзды на погонах.

Про предолимпийские перипетии

Следующий сбор в октябре проводили в Ташкенте. Приехал и узнал: нет Назлымова, убрали. Объединилась целая группа тренеров. Полагаю, что желающих убрать его было немало. Жданович ещё оставался. Но, как выяснилось вскоре, ненадолго.

«Смена рапирного караула» произошла в январе 1988-го. Мы не знали, что это произойдёт именно во Львове. Как объясняли сильные мира моему отцу: «Ты что думаешь – так легко найти старшего тренера? Это должен быть не еврей, он должен быть членом КПСС и москвичом». Вместо Ждановича на сбор во Львов приехал Александр Петрович Перекальский. А вместе с отъездом бывшего старшего слух пустили, что рапиристов на Олимпиаду в Сеул не возьмут, потому что они слабенькие. Четвёртое место на мире – то же мне, «слабенькие».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.